

«ГЛАВНОЕ МЕРИЛО — ТАЛАНТ...»

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ» 15 13 сентября 1985 г., № 37

только несколько названий: «На безымянной высоте»,

«С чего начинается Родина?», «Березовый сок»...

Эти и другие песни, созданные народным артистом РСФСР,

лауреатом Государственной премии РСФСР

Вениамином Баснером,

всегда пленяют нас и мелодией, и значительностью,

и той неповторимой «изюминкой», которая только и может

сделать произведение этого жанра истинным явлением искусства...

сти новинки — меня это очень поразило. Потом появился эмиритон, который и я, и другие композиторы использовали в своих сочинениях весьма активно: особенно он оказался незаменим, когда нужно было проиллюстрировать в фильме какой-нибудь фантастический сюжет. Далее были созданы ионика, электроорган, синтезатор, способный синтезировать звуки, каких и в природе-то нет, — в общем, возможности тут просто неограниченные! И первыми, может быть, это поняли солисты из ансамбля «Битлз». Кстати, несмотря на то, что эти замечательные музыканты изобрели новые ритмы, создали в музыке особый пульс, в основе их песен — старинные народные английские и шотландские мелодии. И наши «Песняры» тоже как бы заново открыли целый пласт белорусских народных песен, которые, если раньше и исполнялись на эстраде, то весьма бледно, традиционно, в примитивных обработках и, кстати, совсем не так, как поет народ...

— Кстати, многие поклонники современных ритмов утверждают, что «Песняры» уже давным-давно себя изжили, что нынче эпоха других ансамблей...

— Думаю, что это явное заблуждение. Конечно, эти музыканты здорово отличались от многих других ВИА, участники которых освоили лишь три-четыре аккорда на электроинструментах, да еще простой четырехдольный ритм, да еще сверхоглушительный звук... Подобных ансамблей, к сожалению, развелось видимо-невидимо...

— И, к сожалению, именно они формируют порой музыкальный и вообще эстетический вкус многих юных слушателей...

— Это весьма тревожно. При этом в культуре тех, кто воспитан только на ВИА, порой обнаруживается странная однобокость: я не раз встречался с молодыми людьми, которые на память назовут составы, пожалуй, всех существующих ансамблей, знают по именам всех солистов — кто откуда пришел, кто куда перешел, но при этом понятия не имеют, допустим, о сочинениях Кшиштофа Пендерецкого. Хотя, казалось бы, это тоже очень не традиционный, очень современный и очень популярный музыкант. Люди замыкаются в одном-единственном жанре, игнорируя и симфоническую музыку, и камерную, и ту же песню, но — исполненную не на электрогитаре, а на рояле, под звучание «живой» струны — все это, безусловно, обедняет человека, не может не сказаться на его духовности... Воспитание вкусов с детских лет, со школьной скамьи — вот один из важнейших аргументов в борьбе с посредственностью и серостью в песенном репертуаре. Надо, чтобы сами слушате-

ли не принимали, отвергали плохие песни. Я понимаю, что добиться такого положения непросто, но заботиться об этом мы обязаны, причем — заботиться весьма активно. И здесь нельзя не сказать о низкой еще требовательности редакторов радио и телепередач: ведь именно от их вкуса, культуры, гражданского темперамента во многом зависит отбор произведений, воспитание молодежи. Сегодня же их критерий по отношению к песне явно занижен.

— А как вы определяете свой песенный критерий?

— Убеден в том, что сочинить хорошую песню не менее трудно, чем симфонию, квартет, сонату... Так же, как поэту, по моему, одинаково сложно написать сюжетную поэму с большим количеством глав и одно маленькое стихотворение. Имею в виду такое стихотворение, как «Я помню чудное мгновенье...». Кстати, не случайно, что эти и многие другие строки, рожденные в сердце Александра Сергеевича Пушкина, стали потом романсами, а романс в девятнадцатом веке — это ведь городская песня...

— Замечено, что большинство своих песен, во всяком случае — лучшие, вы сложили с Михаилом Матусовским. С другими же поэтами пишете крайне редко...

— Принципиально других, конечно, не отвергаю: вот перед вашим приходом как раз просмотрел очередную партию стихотворных текстов, присланных различными авторами. Увы, ничто меня в них не задело. Да, в девяносто девяти случаях из ста, как правило, приходится отказываться. И потом, откровенно говоря, не вызывает симпатии, когда некоторые авторы пекут «тексты слов» в громадных количествах, для любого композитора, на любой вкус... Лично у нас с Матусовским получается в год, пожалуй, от силы четыре-пять песен...

Бывает так: композитор сначала сочиняет мелодию и уже потом на эту так называемую «рибу» поэт пишет стихи (именно таким образом сложилось произведение Соловьева-Седого и Матусовского «Баллада о солдате»). Я же считаю, что все-таки лучше работать иначе: дать поэту полную свободу. Конечно, потом могу попросить его дописать две-три строчки или, допустим, припев, если этого требует развитие музыкального материала... С Михаилом Львовичем Матусовским работаете действительно интересно, хотя порой по гворческим вопросам мы спорим, даже ругаемся. Например, никак не получалась песня «На безымянной высоте»: когда третий вариант музыки был забракован и поэтом, и режиссером кинокартины «Тишина» Владимиром Павловичем Басовым, и старшим

музыкальным редактором «Мосфильма» Раисой Александровной Лукиной, я отчаялся, хотел вообще отказаться. Сердитый ехал домой и вдруг по дороге, в вагоне дневного поезда, почувствовал совершенно новую мелодию... Записать ее было нечем, не на чем — поэтому всю дорогу пел про себя, чтобы не забыть... Так же непросто шла работа и над песнями «С чего начинается Родина?», «На всю оставшуюся жизнь...». Да, рождение песни — процесс и для композитора, и для поэта мучительный, но вместе с тем — прекрасный...

— А ведь хороший певец — это, по сути, тоже полностью правый соавтор песни, он ее создает вместе с композитором и поэтом. Пишете ли вы на определенного исполнителя? Бывало ли так, что песня «проваливалась» именно из-за неудачного исполнения?

— Бывало, что не угадывал исполнителя: хороший, но — не для этой песни... Поскольку пишу в основном к фильмам, то выбор исполнителя зачастую от меня не зависит. Вот, например, для картины «Дни Турбиных» сочинили с Матусовским романс: «Целую ночь соловей нам насвистывал, город молчал, и молчали дома. Белой акации гроздь душистые ночью напролет нас сводили с ума...». На экране романс прозвучал в хорошем исполнении, и получилось неинтересно. Зато потом Людмила Сенчина дала ему новую жизнь и, по-моему, сделала это талантливо... Люблю работать с Иосифом Кобзоном, Марией Пахоменко, Эдуардом Хилем, Павлом Кравецким, Виктором Сельдюковым — в общем, с исполнителями, чей духовный уровень порой определяет успех песни.

— Есть ли песенный эталон, на который вы всегда равняетесь в своем искусстве?

— В сорок втором услышал «Вечер на рейде» Василия Павловича Соловьева-Седого и испытал от этой песни такое же потрясение, как от великих симфонических произведений. Что же меня так в ней потрясло? Искренность. Да, в песне надо быть прежде всего предельно искренним — и в патристической, и в лирической, и в шлягере. Кстати, мечтаю написать такой шлягер — на высшем уровне! — как, например, «Мастер» Раймонда Паулса... Еще раз хочу подчеркнуть: главное — мерило в искусстве независимо от жанра — это искренность, вкус, мастерство, высокая гражданская позиция, а все это вместе составляет талант. Такое требование мы вправе предъявлять и к создателю музыкального произведения, и к исполнителю. Только такой принцип должен быть и в основе работы людей, от которых зависит, какую песню принесет нам завтра радиоволна, что мы услышим с телевизионного экрана или в концертном зале.

— Какие же новые ваши песни скоро услышим?

— В только что снятой мосфильмовской картине «Репортаж с линии огня» есть две песни, написанные совместно с Матусовским: «Баллада о фронтовом кинооператоре» и «Грузовичок-фронтовичок». В ленте, снятой на киностудии имени Горького, которая называется «Тайная прогулка», тоже звучат две песни на слова Михаила Львовича: «Книга памяти моей» и «Мы родом из разведки»... Работал над музыкой к фильму, посвященному пятидесятилетию Московского метро, который снят на Центральном телевидении. Конечно, и тут без песен не обошлось...

Беседу вел
Лев СИДОРОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД

— Вениамин Ефимович, слушая ваши песни, я всегда с тревогой думаю об огромном количестве примитивных поделок, которые и язык-то не поворачивается назвать песнями. Между тем в исполнении различных вокально-инструментальных ансамблей они обрушиваются на нас постоянно, оглушая децибелами и той эстетической пустотой, что за этим грохотом стоит. Поневоле с грустью вспоминаешь песни тридцатых годов, военные, послевоенные: как же много песенный жанр с той поры потерял...

— Прекрасно понимаю и разделяю вашу тревогу по поводу лавины весьма несовершенных произведений, именуемых песнями, которые продолжают, увы, обрушиваться на наши головы. Но, пожалуй, в полемическом запале вы несколько категоричны.

Например, в отличие от вас считаю, что и раньше тоже хватало песен с плохими стихами и бедной музыкой. И к вокально-инструментальным ансамблям проявляю большую терпимость — кстати, среди всех советских композиторов я начал работать с ВИА, может быть, одним из самых первых... Когда-то написал музыку для картины «Мировой парень», которая снималась на «Беларусьфильме», и мне посоветовали послушать ансамбль, который создали студенты Минской консерватории. Послушал. Впечатление оказалось настолько сильным, что сразу же решил работать с ними. Так никому еще не известные «Песняры» впервые исполнили в своей аранжировке (по-моему — блестящей) «Березовый сок». Потом для ансамбля Мулявина по заказу журнала «Кругозор» сочинил песню «Девушка из Бреста» — они ее тоже очень хорошо записали. И сейчас хочу продолжить сотрудничество с ВИА. Дело в том, что подготовил цикл «Памяти Владимира Высоцкого» — шесть баллад на его стихи.

— Баллады на стихи Высоцкого? Пожалуйста, подробнее об этом.

— Несколько лет назад мы с Владимиром Семеновичем начали работать над музыкой к картине «Стрелы Робин Гуда». В частности, там были три баллады, которые Высоцкий в моей аранжировке должен был исполнять вместе с «Песнярами», и еще три, которые написал я сам...

— Написали, так сказать «под Высоцкого»?

— Ни в коем случае, потому что вообще не терплю, когда пишут или поют «под Высоцкого». Нет, я использовал свою мелодию, однако какие-то пронзительные его интонации сохранил... Так вот, этому замыслу, к великому сожалению, не было дано осуществиться. Прошло время, и режиссер Сергей Тарасов снял на «Мосфильме» картину по роману Вальтера Скотта «Айвенго», куда вошли все те баллады в исполнении Высоцкого (записи сохранились). А я, не зная об этом, параллельно сочинил еще три баллады на его стихи — в результате получился цикл, предназначенный именно для вокально-инструментального ансамбля. Для какого именно? Наверное, это будут «Песняры»...

— Чем вас привлекают ВИА?

— Этот жанр не мог не возникнуть с приходом в музыку новой техники, с созданием новых инструментов. Так было всегда: например, Берлиоз когда-то сделал в оркестре настоящую революцию, значительно расширив медную и деревянную группу, а особенно — введя новые ударные инструменты. Партитура звучания симфонического оркестра резко изменилась, и многие вначале этого не принимали... Так же и ВИА. Помню, еще до войны я услышал по радио о том, что изобретен электроинструмент, который может подражать звучанию скрипки, кларнета... Тут же демонстрировались возможно-